

● К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

Седьмой по списку

После объявления первой мобилизации 23 июня до конца 1941 года было проведено еще несколько — в июле отправляли призывников 1922-1923 г.р. на укомплектование частей и военных училищ. В списке, составленном Кировским военным комиссариатом в первые месяцы войны, среди молодых ребят был Иллиодор Павлович Березин (на снимке справа), уроженец деревни Гогоно значится седьмым.

О боевом пути и послевоенной жизни фронтовика рассказала его супруга, Вера Ивановна. Она отзывается о своем муже, как о редком человеке: умном, принципиальном, порядочном, трудолюбивом и очень ответственном по отношению к семье и к делу.

На фронт Иллиодор Павлович ушел добровольцем. Воспитанный на высоком чувстве патриотизма, он очень переживал, когда после окончания средней школы № 1 не попал в число первых мобилизованных.

— Всех одноклассников взяли, а его не берут, — рассказывает Вера Ивановна. — Тогда он проявил настойчивость, пошел в военкомат.

Так молоденький парнишка в колонне таких же, как он, в один из июльских дней 1941-го отправился бить врага. До Калинина новобранцы шли пешком. Сейчас, в век скоростной техники, почти невозможно представить, как такое расстояние можно было преодолеть пешим ходом. Наверное, это было первое испытание на прочность и выносливость, которое юности стойко выдержали, еще не осознавая до конца, какой ад их ждет впереди.

В областном призывном пункте Березина распределили в Ульяновское пехотное училище. А уже в ноябре сержант-наводчик 52-го минометного батальона участвовал в битве под Москвой — самой масштабной во Второй мировой войне. На подступах к столице фашистская армия впервые потерпела серьезное поражение. Наши солдаты и офицеры сдерживали натиск врага ценой невероятных усилий. Иллиодор Павлович в минуты откровений признавался, как тяжело было. Сражались не только вражеские пули и осколки от снарядов, но и суровые морозы: спали на улице, тогда обморозил ноги.

Получив боевое крещение под Москвой, селижаровец с боями дошел до Старой Руссы, оказавшейся в числе городов, которым война нанесла самый большой урон. Бои за ее освобождение шли весь 1942 год. В это время 11-я армия продвинулась сразу в двух направле-

ниях — старорусском и демянском. Медленно, но верно, день за днем преодолевали солдаты километры дорог, то наступая, то отступая снова.

Фронтовик особенно часто вспоминал, как по болотам, которые никак не хотели замерзать и не давали нашей артиллерии, танкам и машинам возможности продвинуться дальше, шли до Демянска. Но даже эти трудности не стали помехой при наступлении.

— Большой след оставил в его жизни Демянск, — вздыхает Вера Ивановна. — Очень хотел там побывать после войны. Вел переписку с местными краеведами и следопытами. На Украине тоже страшно было. После боев от полка оставались в живых единицы солдат. Иллиодор Павлович не надеялся выжить, даже письма домой перестал писать. Рассказывал, как форсировал Дон, а сам не умел плавать. Дальше с освободительными боями через Польшу, Венгрию, Румынию дошел до Австрии, где была сделана «большая» остановка. Фронтовые дороги довели его также до Италии и Франции.

В семейном архиве сохранилось письмо однополчанина И.П. Березину, датированное 20.09.1947 г.: «Здравствуй, дорогой друг! Прими от меня привет и самые наилучшие пожелания в твоей настоящей и будущей жизни. Во-первых, хочу тебе сообщить немного о своей службе, а также о жизни. Как и прежде служу в Австрии. Сейчас стою на летних лагерях. Летний период обучения уже на днях окончился. Скоро будем уезжать на зимние квартиры, откуда, может быть, скоро уедем совсем домой...» Почерк мелкий, убористый, можно сказать, бисерный. И само письмо хорошее, доброе. Дальше он пишет, что наконец-то продал свой аккордеон, «...надоевший как горькая редька... Играть все равно так и не научился, по правде сказать, поленился...».

Судьба уберегла селижаровского парня от пуль и тяжелых ранений. И в феврале 1947-го он вернулся домой. Грудь украшали орден «Славы», медаль «За отвагу» и другие боевые награды. Фронтовику сразу же предложили должность инспектора по госдоходам в финансовом отделе Кировского района. С этого дня начался карьерный рост ответственного и исполнительного работника: старший инспектор, заведующий районным финотделом, а после объединения Селижаровского, Пенковского и Осташковского районов — заведующий Осташковским горфинотделом.

Важной вехой в жизни участника ВОВ было участие в Параде Победы на Красной площади. Он вместе с другими представлял 3-й Украинский фронт. «Узнавал себя в хронике», — говорит вдова ветерана.

— Иллиодор Павлович был предан своей работе, семье, — тихо улыбаясь, добавила Вера Ивановна. — ...И пасеке. Я и сейчас продолжаю его дело.

Она, учительница начальных классов, приехала в наш район по распределению после Торжокского педагогического училища. В отделе образования ее направили в Талицкую школу. Активистка, общественница и просто красивая девушка приглянулась холостяку со стажем. Но Вера не сразу ответила на его чувства: причина была в разнице возраста. Зато потом, в семейной жизни, поняла, какой крепкой опорой был для них с дочкой Иллиодор Павлович.

— Его не стало в 1994 году. Похоронен в Селижарове. Сам выбрал себе красивое солнечное место, — смахнула рукой слезинки женщина.

...Иллиодор. Редкое имя. В православном календаре оно пишется с одной буквой «л». Означает с греческого «Солнцедатель». Думается, не напрасно Иллиодора Павловича нарекли таким хорошим именем. Человек с героическим прошлым, он и в послевоенной мирной жизни не изменял своим идейным убеждениям, нацеленным на созидательный труд.

А. ГРОМОВ.

Фото из семейного архива

Солдат Карельского фронта

В прошлых номерах нашей газеты мы рассказывали о сестрах из большой довоенной семьи Смирновых — Полине и Анне, труженице тыла и фронтовом шофере. Довелось испытать все тяготы войны почти с первых ее дней и их старшему брату Ивану, шагавшему до Калинина в молодежной колонне с 16 по 19 июля. Это был его первый маршбросок.

Воевал он на самом протяженном фронте — Карельском. Его левый фланг начинался у Ладожского озера, а правый кончался в Заполярье на северной границе с Финляндией, у Баренцева моря. Но была еще одна особенность Карельского фронта. И создана она была не людьми. Это малопривлекательный для человеческого существования климат и рельеф местности. Скалы, непроходимые болота, студеные озера и быстрые реки, переменчивая погода летом и крепкие морозы зимой. И, как следствие, — бездорожье и малонаселенность. Об этих обстоятельствах, осложняющих и без того нестерпимую солдатскую участь, часто вспоминал Иван Васильевич.

— Отец рассказывал о многих фронтовых случаях, — говорит Зинаида Ивановна Муравьева, дочь участника войны. — Воевать приходилось в основном с финнами. Финляндия была союзницей Германии, воевала с нами с 1941 г., и на правом берегу Свири находились финские войска. Однажды в рукопашном бою на него напал финн, здоровый, сильный. Отец сумел схватить кинжал и защитить себя. С улыбкой рассказывал, как выдали хлебный паек. Он сказал: «Нет, сейчас есть не буду. Поем вечером». И вот расположились бойцы в воронке, он достал кусок хлеба, намазал маслом... И

вдруг снаряд рядом бах! И засыпало землей. Так и не поужинал. Иван Васильевич во время войны трижды был ранен: в шею, в пальцы рук и ног и в печень. Последнее было самое тяжелое. На поле боя его нашла медсестра. На волокушах 30 километров по болотам и

бревнам, устилавшим самые топкие места, тащила до госпиталей. Он остался жив благодаря опытному хирургу. После выздоровления снова на фронт. Ветеран всегда с благодарностью вспоминал об опытном хирурге, сделавшем ему тогда сложную операцию.

Судьба была милостива к нашему земляку: он вернулся домой. Послевоенная жизнь сложилась благополучно. Своим трудолюбием, хозяйским отношением к делу, порядочностью завоевал уважение окружающих его людей.

О внутренней сущности че-

ловека могут говорить незначительные на первый взгляд факты. Младший брат, Михаил Васильевич, в настоящее время проживающий в Торжке, изложил свои детские воспоминания на бумагу и передал их племяннице, З.И. Муравьевой (публикуем их в сокращении).

По ним можно судить, каким волевым и, главное, мыслящим человеком не только в зрелые, но и в молодые годы был Иван Васильевич.

«...Всех нас в семье было восемь человек. Мать вышла замуж за вдовца с тремя детьми. Старшая сестра Варя была замужем. Жила в дер. Аполеньши. Два ее сына, мои племянники, Саша и Коля, были старше меня (их давно нет в живых). Брат Петр жил и работал в Ленинграде. Помню, как он два раза навещал нас в Пулине. Привозил в чемоданчике маленькие бараночки, угощал. Как сейчас пом-

ню: какие же вкусные были они. Еще раз приезжал, когда я ходил во второй класс, школа находилась в дер. Пырошне. Поговорив о моих школьных делах, предложил мне съездить на велосипеде к моей учительнице, Зинаиде Павловне, и познакомиться с ней. С началом войны мы о нем ничего не знали.

Сестра Пасковья (мы ее звали Паней) тоже жила в Ленинграде, пережила блокаду. Мама очень переживала то время и часто ее вспоминала. После войны вышла замуж, у нее дочь Наташа. Я дважды в 50-х навещал ее, но она к нам ни разу не приезжала, хотя мама ее очень просила навестить нас.

Наш отец, Василий Николаевич, был наделен талантом мастера. Чего только не мастерил, не изобретал! Делал ведра, бидоны, самовары, ружья. Вся округа знала и уважала его, обрашались, и он был безотказен.

Для нас приобрел гармошку, балалайку, домру. Для Ивана смастерил чудесное маленькое одноствольное ружьишко 20 калибра (винтовочные патроны). Оно метко стреляло. ...Иван очень любил охоту. С отцовским ружьишком часто ходил зимой промышлять белку. С каким упоением рассказывал нам, в каком лесу, на каких высоких елках ему удавалось выследить или подкараулить белку, и как из отцовского ружья он метко попадал в ее голову, чтобы не подранить и не испортить шкурку. Белок в те времена было много: свои, местные, рыжеватые, а красивые бело-коричневые, более крупные и ценные — сибирских пород.

Большим пристрастием для Ивана был и тетеревиный ток. Весной, когда луга, поля очищаются от снега, на определенных местах слетаются тетерева

и до восхода солнца (на рассвете) и при восходе, а также вечером на заходе солнца проводят свои брачные гуляния: поют, токут, дерутся, забавно чужаку, подпрыгивая вверх, хлопая крыльями. О повадках тетеревов на току Иван любил рассказывать. Например, на ток первый прилетает так называемый токовик (вожак стаи), и его отстреливать нельзя, иначе весь ток распатается.

У нас в Пулине поле было небольшое, а потому тетерева не любили устраивать на нем ток, а распевали свои песни на отдаленных деревьях в лесу. Их звонкое пение слышалось очень далеко, за 1-2 километра.

На тетеревиный ток — Пырошенское или Болотниковское поле — Иван уходил часа за 2-3 до захода солнца. Поля там были большие и, как он рассказывал, на ток слеталось до десятка тетеревов. На вечернем току он высматривал их месторасположение. Когда тетерева улетали в лес на ночевку, Иван шел в лес, рубил еловые ветки и строил шалаш. Затем ночь до утра проводил в лесу. Рано утром, до рассвета, приходил в шалаш и ждал прилета черных красавцев.

На ток он брал иногда и Толю. Я часто спрашивался, но получал ответ: «Когда подрастешь, тогда и возьму, а сейчас еще мал».

Итак, мы, трое братьев, не только любили, мы просто не могли жить без охоты. Все свободное время (его, к сожалению, было очень мало) проводили на охоте. Любили вечером ходить на «тягу» вальдшнепа, уток, зайца, лису. На снегу читали следы птиц, зверей словно книгу...»

Татьяна ВИКТОРОВА.

Фото из семейного архива